

«ЛАНДЫШИ НА МИННОМ ПОЛЕ»

Раздумья над книгой стихов Михаила Дудина

Оговорюсь сразу: это не рецензия, не анализ творчества поэта. В какой-то мере это — эссе, не более. Мои индивидуальные впечатления и соображения.

Книга Михаила Дудина «Ландыши на минном поле» вышла в Воениздате, и, естественно, основной ее идейный настрой устремлен вполне определенно: защита Отечества. Но, помимо произведений о войне, в книгу включены и произведения о «нашей современности, красоте родной земли, любви и дружбе» (из аннотации).

С первых страниц густо веет «духом» родной земли, как от свежевыпеченного каравая — житной праностью. Веет, собственно, той непосредственной, той «малой родной», которую мы именуем отчей землей. У Михаила Дудина это, конкретно, деревня Клевнево, на речке Молохте... Два образа наиболее впечатляюще, ярко выражены, явно доминируют: отчего края, родины и образ матери Елены Васильевны. Эти два образа в конце концов как бы сливаются в моем представлении воедино, в одно нерасторжимое: Родины-Матери.

Внимательно вчитываясь в стихи и думаю: а что заставило поэта сейчас, спустя почти

полстолетия, включить в сборник (который, чувствуется, собирался автором особо) очень раннее стихотворение «Сначала только я заметил», написанное в 1935 году, стихотворение, которое поэт не включил даже в первую свою книгу «Ливень», вышедшую в Иванове в 1940 году.

Поэт вспоминает лермонтовские места на Северном Кавказе, когда «мерил море под Таманью» и когда с ним, поэтом, «беседовал в тиши» яростный, неукротимый Демон. «Но сердце стягивала мука», — с болью признавался поэт. И уж не мог сдерживать свою ярость:

**Ты жив еще, подлец Мартынов,
Вставай к барьеру! Я иду!**

Надо полагать, что сугубо «невоенное» стихотворение М. Дудин включил в сборник потому, что до сих пор не стихает, не может умолкнуть боль за гибель поэта. Для Дудина мартиновы, дантесы — такой же враг, как фашизм, как все злобное исчадие земли вообще...

Также к ранним, еще довоенным стихам относятся и «Январь. Февраль. А после, после...», посвященное Б. Пророкову, народному художнику СССР, с которым М. Дудин нес многомесячную героическую оборону на полуострове

Ханко. В «мирном» 1940 году, он писал другу:

**Опять начнется щучий нерест,
Поутру запоют дрозды,
Все уплывет под легкий**

**шелест
В зеленоватый свет звезды.**

Но предчувствовал: мир уже мчался «неотвратно навстречу вызову судьбы». В другом стихотворении, тоже посвященном Б. Пророкову, но уже в 1959 году, поэт, вспоминая дни обороны Ханко, напишет:

**Но под безумие тротила,
Сшибающего наповал,
И мне поэзия сходила
В покрытый плесенью подвал.**

И стихотворение «Памяти Алексея Лебедева» посвящено земляку-ивановцу. Здесь уже мы с головой вступаем в стихию войны. Как клятва зазвучали первые же строки: «Мы должно твоей заплатим славе». И уж не сдержат боль, она властно прорывается: «Я вновь хочу с тобою рядом быть, опять читать стихи о Робин Гуде. По улицам Иванова бродить».

Следующее стихотворение вновь возвращает нас к ивановской земле, где затерялась в русских просторах, на пригорке по-над Молохтой деревня Клевнево из шести дворов.

**Вот там и есть —
милей всего на свете —
Единственная родина моя.**

В тяжком, мучительно тяжком для защитников Ленинграда сорок третьем писались

эти стихи, и перед поэтом постоянно как бы маячил образ матери. «Когда, казалось, нету больше сил», в перерывах между боями «я в тишине беседовал с тобою и об одном тогда тебя просил — чтоб научила ты меня, не мучась, сквозь все дороги, через все пути солдатскую положенную участь на перетертых лямках пронести».

Минет почти сорок лет, а память вновь приведет поэта к этой теме.

Вообще, говорить о стихах Дудина — надо, собственно, читать сами стихи.

Михаил Дудин иногда просто удивляет знающих его людей. Скажем, приезжает в родное Иваново. С заранее известной целью, на такой-то срок. И вдруг, неизвестно куда и почему, исчезает... Даже близкие друзья пожимают плечами. Да он и сам в конце концов в стихах признается, что «Нет у меня пристрастия к покою».

Думаю, этот вечный непокой и сам поэт не может объяснить. Да и стоит ли объяснять? Пусть не стихает в сердце ни на миг эта беспокойная «поэтическая заноза!»

Также вот раздумья навела на меня книга «Ландыши на минном поле».

П. СУРЕЕВ,
член Союза писателей СССР.



Вполне закономерно и символично, что судьба свела этих двух талантливых, влюбленных в жизнь, щедро отдавших себя искусству людей, которые родились в одном городе — на родине первого в России общегородского Совета рабочих депутатов.

Взаимно обогащающая дружба художника и поэта укрепилась в наполненных смертельной опасностью боях на полуострове Ханко, где каждая пядь полита кровью героических советских солдат.

На снимке, сделанном в 1952 году: Б. И. Пророков (слева) и М. А. Дудин.